

Евгений Деменок

Immigrant Song

После тихого буржуазного Сен-Максим – недаром его выбрала для летних приездов к теплому морю даже шведская королевская семья – Марсель сразу показался шумным, грязным и, как бы сказать правильнее, несколько небезопасным.

Ровно то, что мы любим.

При этом подземная парковка возле старого порта оказалась на удивление чистой, новая плитка на ее стенах напоминала работы Леже и Мондриана, откуда-то лилась приятная тихая музыка, и мочой начало пахнуть уже

наверху, возле самого выхода.

В Марсель мы приехали в самом конце нашей короткой вылазки на юг, к морю.

Прага прекрасна, но из нее периодически нужно уезжать, особенно в холодное время года. Особенно в феврале и марте.

К счастью, человечество изобрело лоукостеры.

Ветер в Марселе сбил нас с ног сразу при выходе из самолета. Я, конечно, читал о мистрале, но впервые ощутил его силу толь-

ко сейчас. Воспользовавшись моим замешательством, менеджер в автопрокате продал мне самую дорогую страховку.

Мы сразу же уехали из Марселя в Сен-Максим, расположенный как раз на полпути в Монако, движимые желанием объехать за четыре дня чуть ли не весь Прованс.

Желанием, конечно же, несбыточным.

Пока я рулил на восток и разбирался в хитростях пользования платными дорогами, жена вслух читала одесские новости.

– Две ракеты попали в порт Южный. Судя по всему, прилично. А сейчас летят «Шахеды».

При этих словах телефон ее завыл – сработала программа оповещения о воздушной тревоге. Эту программу я так и не скачал, хотя нервы у меня, казалось бы, покрепче. С самого начала войны мы жили в двух мирах. В том, где находились в данный момент, где работали, встречались с друзьями, путешествовали. И в мире войны, которая была далеко от нас и одновременно внутри нас.

Время от времени мы пытались перестать читать украинские военные новости, но дольше нескольких часов никто из нас не продержался.

Телефон выл по несколько раз в день. На ночь жена выключала его.

Сен-Максим, тихий очаровательный городок на берегу залива Сен-Тропе, оказался расположен не так удобно, как это выглядело на карте: до него приходилось добираться добрых полчаса по проложенным среди Маврских гор второстепенным дорогам, съехав с трассы. Зато рестораны на центральной площади у небольшого порта были восхитительны, а в сам Сен-Тропе можно было добраться на пароме всего за полчаса.

Туда мы и отправились следующим утром.

Была чудесная солнечная погода, немного более холодная, чем обычно в это время, – так нам сказала милая девушка на ресепшн нашего отеля.

– В прошлом году в это же время у бассейна не было свободного места. А сейчас, как видите, пусто.

Глядя с борта парома на море глубокого насыщенно-синего цвета, на плывущие по небу белоснежные облака, я вдруг понял, почему на французском флаге именно такие цвета.

К красоте французского юга невозможно оставаться равнодушным, эстетика здесь определяет образ жизни. Судя по всему, она впечатлила в свое время даже мусульманских пиратов – их база, Джабаль-аль-Кияль, располагалась именно тут. Они первыми возродили угасшую после падения Западной Римской империи торговлю предметами роскоши.

Лазурный Берег и сейчас средоточие показной и не только роскоши, хотя каких-то сто – сто пятьдесят лет назад он был цепочкой рыбацких деревушек, которые по всем понятным причинам были облюбованы художниками. Такой свет, такое солнце мало где встретишь. Каждый выбрал для себя «место силы». У Жана Кокто это были Ментон и Сен-Жан-Кап-Ферра, Шагал был влюблен в Сен-Поль-де-Ванс. А Сен-Тропе стал вотчиной Синьяка. Двадцать лет подряд заядлый яхтсмен Синьяк приезжал и подолгу жил здесь. Благодаря ему здесь бывали Матисс, Боннар, Марке, Дерен.

В общем, наша программа в Сен-Тропе была очевидной: не-большой, но очень симпатичный Музей Аннонсиады с коллекцией работ импрессионистов, от которой после недавней кражи осталась половина, дом-мастерская Синьяка, цитадель, пляж.

К вечеру публика потянулась в рестораны. Один из них, с песчаным полом, шезлонгами и хрустальными люстрами, привел нас в совершенный восторг. Но времени на ужин не было, последний паром уходил через час, и мы нашли чудесное бистро прямо за маленьким павильоном старого рыбного рынка, где съели каждый по полдюжины устриц с бокалом белого вина.

Телефон жены снова завыл. Она моментально заглянула в новостную ленту.

– Баллистика, – сказала она. – Три ракеты. Обломки упали на дом, восемь пострадавших.

Война была где-то далеко.

Забыть о ней было невозможно.

Украинок в Сен-Тропе мы встретили всего двоих. Обе работали продавщицами в магазинах.

Обратно паром мчался с удвоенной скоростью – девушке-капитану после долгого дня хотелось, видимо, поскорее попасть домой.

Мы с сожалением смотрели на удаляющийся берег и такую знакомую по работам Синьяка колокольню церкви Нотр-Дам-де-

л'Ассомпсьон. Стало совершенно понятно, откуда на его работах эти малиновый, желтый, фиолетовый цвета.

На следующий день мы поехали туда, куда давно мечтали поехать – на виллу Эфрусси.

Счастливая и несчастная баронесса Беатриса Ротшильд, вышедшая замуж на нашего непутевого земляка, одессита Мориса Эфрусси, вовремя ушла от него, не дожидаясь момента, когда он окончательно промотает свое состояние, и, получив наследство умершего отца, построила дом на мысе Сен-Жан-Кап-Ферра. Беатрис вдохновлялась французской готикой, была весьма требовательной к архитекторам и обладала прекрасным вкусом. Главное украшение виллы – восемь садов, которые располагаются на небольшом участке, но создают иллюзию большого пространства, и на прогулку по ним уходит – с восторженными ахами и вздохами – минимум час.

Беатрис, которую Морис заразил нехорошей болезнью, не могла иметь детей, и на вилле с ней жили любимые собаки, обезьяны

и мангусты. Специально сделанные для них креслица и сейчас стоят в ее будуаре.

Интересно, знала ли об этом Пегги Гуггенхайм?

За обедом мы вспоминали «Зайца с янтарными глазами», семейную сагу, написанную одним из потомков семьи Эфрусси, Эдмундом де Ваалем; его брата Томаса, с которым мы когда-то встречались в кафе на Ришельевской и говорили о том, какой прекрасной была когда-то Одесса. Прекрасной и богатой – настолько, что сделавшие в нашем городе первые большие деньги Эфрусси стали чуть ли не вторыми банкирами Европы.

А еще читали новости.

– Ночью опять были «Шахеды». Семь штук. Взрыв где-то в центре: весь двор разнесло.

Всю весну Одессу беспощадно обстреливали. Пятнадцатого марта ракеты дважды прилетели в одно и то же место – во второй раз специально, чтобы убить спасателей. Погиб двадцать один человек.

После этого одесситы, услышав сигнал воздушной тревоги, начали наконец спускаться в убежища.

Беда в том, что убежищ практически не было.

А тревог, наоборот, было много – по нескольку за день и обязательно ночью.

Солнце клонилось к закату, и мы, находясь под огромным впечатлением от виллы Эфрусси-де-Ротшильд, решили закрепить его, поехав на маяк, знаменитый Кап-Ферра, построенный еще в начале восемнадцатого века, разрушенный в ходе Второй мировой и восстановленный. Машину оставили в переулке Жана Кокто и пошли вниз. Несмотря на запрещающие знаки, решили спуститься к морю, и – о чудо! – нашли прекрасно оборудованную прогулочную дорожку, извиляющуюся прямо вдоль прибрежных валунов.

У каждого из нас есть свои излюбленные места для того, чтобы почувствовать себя частью природы и забыть хотя бы на короткое время, хотя бы на несколько минут о себе, собственном эго, отпустить проблемы и остановить поток мыслей. Кто-то любит горы, кто-то – лес, кто-то забывает о себе на берегу тихого озера.

Для меня лучшим таким местом было и остается море.

Берег у подножия маяка тянется в обе стороны до самого горизонта. Волны, бьющиеся о камни, прогоняют дурные мысли.

Если повезет, вообще все мысли.

Закатное солнце опускалось в море прямо напротив нас. Девочки ушли дальше по дорожке, а я занялся цыгун.

Полчаса чистейшего наслаждения.

На ужин поехали в Вильфранш-сюр-Мер. Нашли кафе прямо рядом с капеллой Сен-Пьер, расписанной Жаном Кокто. Он, похоже, оставил следы по всему Лазурному побережью. Добрую сотню лет в капелле хранили рыбацкие сети. Они и сейчас были навалены рядом с ней – и бюстом Кокто.

Мидии, которые я заказал, были, похоже, сварены в морской воде. Вкуснее я еще не пробовал.
– Снова прилетело, – сказала жена, прочитав пришедшее на телефон сообщение. – Баллистика.

Защититься от баллистики в Одессе – дело практически невозможное. Ракеты прилетают из Крыма за две минуты – так быстро, что не успевают даже объявить воздушную тревогу. Ракеты заходят с моря прямо в город, и любое их сбитие – неизбежные разрушения, потому что обломки падают на жилые дома, падают куда попало.

Так произошло и на этот раз – телефон жены завыл на полминуты позже, чем пришла СМС от ее мамы.

Люди в кафе вздрогнули. Все как один обернулись на нас.

– Черт, забыла выключить звук, – виновато пробормотала жена.

То же самое случалось с нами каждый следующий день. В Монако телефон завыл в чудесном океанографическом музее, в Сен-Поль-де-Вансе – в легендарном ресторане «Золотая голубка».

А еще мы встречали наших. Повсюду встречали наших.

Обед в «Золотой голубке» жена запланировала уже давно. Бронировать место нужно сильно заранее.

Резо Габриадзе рассказал мне как-то о старом французском ресторане, в меню которого была описана его история на фоне истории французской. Причем в истории самого ресторана основным вопросом был такой: нужно ли удлинить на несколько ступенек лестницу?

– Милый Женя, это было примерно так. В 1701 году началась война за испанское наследство, на которой погибли сто шестьдесят тысяч человек. В том же году управляющий рестораном и его хозяин долго размышляли о том, нужно ли добавить к лестнице несколько ступенек.

Решение так и не приняли, решили отложить.

В 1789 году началась Великая французская революция, за ней началась Война Первой коалиции. Управляющий с хозяином снова задумались о небольшой перестройке лестницы. Долго думали, спорили, в итоге решили отложить.

Так проходило десятилетие за десятилетием, в Европе менялись власти, начинались и заканчивались войны, разрушались и восстанавливались города, а новые поколения владельцев ресторана думали о лестнице. И снова откладывали решение.

Традиция – великая вещь. Никакая революция, кроме научной, основанной на той же традиции, ей в подметки не годится.

В «Золотой голубке» сегодня все почти так же, как было при ее основании в 1920 году. Почти так же – за исключением посетителей.

Когда Поль Ру, безуспешно пытавшийся научиться рисовать владелец отеля и ресторана при нем, умирал, у него не было банковского счета, а сумма в наличных, которую он оставил в наследство сыну, не превышала ста долларов. Зато он оставил ему отель, сплошь увешанный работами друзей и гостей. А их за тридцать пять лет было много. Очень много. И каких! Хаим Сутин, Жорж Брак, Пабло Пикассо, Робер и Соня Делоне, Пьер Боннар, Фернан Леже, Морис Утрилло... Модильяни, Миро, Матисс, Дерен, Паскин, Руо, Дюфи... Все они платили за гостеприимство хозяев своими работами – или просто дарили их. За несколько десятилетий в коллекции семьи Ру оказалось почти четыре тысячи

шедевров. Без всякой охраны они и сейчас развешены по всему отелю – в номерах, коридорах, залах ресторана. А скульптура работы Александра Колдера вообще установлена возле бассейна. Того самого бассейна, в котором плавали Пикассо, Бельмондо, Ив Монтан и Софи Лорен.

Был, правда, в истории отеля неприятный эпизод – в начале 1960-х из столовой украли несколько работ.

Много, а не несколько, скажем прямо.

Исчезли трое Браков, три Леже, Пикассо, Модильяни, Бюффе, Дюфи, Миро, Матисс, Боннар, Утрилло, Валадон, Лорансен, Дерен, Базен, Паскин и Руо. Воры оставили одну лишь большую работу Шагала, что немало его расстроило. «Я художник с мировым именем, – сокрушался он. – Почему мою работу не взяли?»

В конце концов все украденное нашли. И сын Поля Франциск, конечно же, усилил охрану. Правда, присутствие ее незаметно.

Франциск управлял отелем с 1953 по 2000 год. Уже при нем тут подолгу жили Жак Превер и Франсуа Трюффо, Сартр с Симоной де Бовуар, а Ив Монтан и вовсе сыграл с Симоной Синьоре свадьбу прямо на террасе. На той самой террасе, где и сейчас можно пообедать прямо под керамической мозаикой работы Фернана Леже.

Слава ресторана распространилась не то что во Франции, а далеко за ее пределами, и превратила Сен-Поль-де-Ванс в место для туристического паломничества. Крошечный городок из пяти улиц, дома в котором срослись друг с другом, а тем, кто попадает сюда, хочется срастись с самим городом. Не зря Шагал приехал сюда за несколько лет до смерти – на могиле его на крошечном местном кладбище всегда лежат камешки. Кто только тут не жил! Джеймс Болдуин и Бернар Анри-Леви со своей женой Ариэль Домбаль, Дональд Плезенс, Билл Уаймен из «Rolling Stones»...

Нам повезло – наш столик был как раз под мозаикой Леже. Мы трогали ее украдкой много раз.

Сделав заказ, мы тут же побежали внутрь, изучать коллекцию семьи Ру.

Возле барной стойки в глубине первого зала у ниши, увитой зеленью, сидела за крошечным столиком девушка и что-то рисовала в небольшом альбоме с перекидными страницами. Как это

ни странно, она была похожа на девушку с портрета работы Клементины Дюфо, который висел ровно напротив, в другом конце зала. Все это – мебель в восточном стиле, белые, увитые зеленью стены, девушка с альбомом – было так живописно, что я не мог совладать с искушением все это сфотографировать.

– Можно? – спросил я ее, улыбнувшись.

– Конечно, – ответила она по-английски с таким акцентом, что двух мнений быть не могло. Наша.

Маргарита была родом из Харькова, перед войной жила в Киеве, а с марта двадцать второго года переехала в Париж.

– Мне стыдно признаваться в этом, но если бы не война, я никогда бы не осуществила свою мечту – переехать в Париж. Денег у меня не было совсем. Сначала мы жили с друзьями в сквотах – столько, сколько получалось. Иногда не выгоняли целый месяц. Купила самоучитель английского, которого совершенно не знала, учила главу за главой и тут же преподавала его онлайн абсолют-

ным новичкам, таким же беженцам, оказавшимся в Европе. Десять евро за урок. Это были громадные деньги! Сейчас я поступила в Сорбонну и сняла комнату. До сих пор не могу в это поверить. Приехала сюда, чтобы увидеть место, о котором столько читала! На обед денег нет, взяла вот кофе и попросила разрешения посидеть тут полчаса. Это просто счастье.

Стыдно признаться... Таких историй я слышал множество. От тех, кто приехал в первые дни в Прагу, планируя вернуться домой через две недели, и застрявших на два года. От тех, кто всю жизнь мечтал о Лондоне, Вене, Барселоне и Нью-Йорке, и внезапно оказался там.

– Домой ездите?

– Ездил один раз к маме. А сестра перебралась ко мне.

Я извинился и пошел дальше. Сделав добрую сотню фотографий, вернулся во двор. Глядя на соседние столы, белоснежные скатерти, которые были покрыты причудливым узором теней от фигового дерева, понял, что только тут, под этим небом, мог появиться импрессионизм.

Мы ушли из ресторана чуть ли не последними – они закрылись на перерыв перед ужином. На небольшой площади перед рестораном несколько групп мужчин и женщин играли в петанк. Сходили наверх посмотреть коллекцию семьи Маг. Обошли вдоль и поперек малюсенький средневековый город, заглянули на крошечное кладбище, на котором лежит Шагал, – у него и тут потрясающий вид.

Уехали уже затемно.

– Днем прилетело в Крым, – сказала жена, заглянув наконец в новостную ленту. – Значит, ночью будут обстреливать Одессу.

Словно внимая ее словам, телефон резко завыл.

Тревога.

Перед сном в кровати читали новости.

– Прооперировали пса Гектора. Вчера прилетело в Черноморск, в двадцати метрах от дома его хозяев. Вытащили пять осколков. Дрон взорвался на Пересыпи, ранены девять человек. Целый двор разрушен – посмотрите на фотографии.

Утром мы выехали в Марсель. Рейс в Прагу был вечером, у нас был день на то, чтобы посмотреть город.

Как мы потом поняли, нужен был не день, а месяц.

Мистраль в этот день был почти нежным. Первым, что мы увидели, выйдя из паркинга, был старый порт, превращенный в огромную марину с тысячами яхт, боками прижавшихся друг к другу.

Это производило огромное впечатление.

Кораблик на остров Иф не ходил из-за ветра. Все рейсы на сегодня и завтра были отменены.

Поездка туда была главным нашим планом на сегодня. Нужно было перекусить и обсудить сложившуюся ситуацию.

Среди длинной череды кафе, вытянувшейся вдоль марины, самым привлекательным показалось рыбное бистро с голубыми маркизами и скатертями в бело-голубую клетку.

Мельком взглянув на нас, управляющий отправил к нам красивую блондинку.

Мельком взглянув на нее, мы поняли: наша.

– Українську розумієте? – спросил я с улыбкой.

– Авжеж, – ответила она.

– Звідки ви?

– З Тернополя.

«Файне місто Тернопіль», – сразу зазвучало в голове.

Алена приехала с сыном в Марсель сразу после начала войны.

– Почему именно сюда?

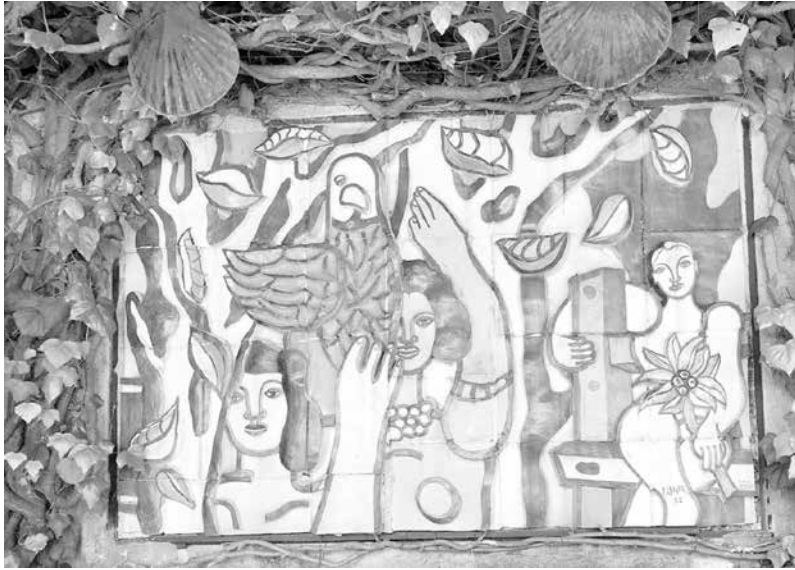
– Тут жил мой друг. На первых порах нужен хоть кто-то. Французский я не знала совсем, но нужно было на что-то жить. Я просто пришла сюда и попросилась на работу. И меня взяли. Язык учила уже в процессе. Сначала было ужасно стыдно, а сейчас уже освоилась, да и язык подучила. Ой, хозяйка смотрит, закажите что-нибудь.

Мы заказали фритто-мисто, и когда она вернулась, продолжили расспросы.

– Марсель вроде не самый безопасный город, а вы такая красивая. Не чувствуете никакого дискомфорта?

– Нет, что вы! Я ходила ночью по самым неблагополучным районам, и никто никогда даже не пытался приставать. Наоборот, предлагали помощь, спрашивали, не заблудилась ли я.

– Привыкли уже тут за два года?

– Да, привыкла. Домой вообще не хочется. Сын учится в гимназии, у него куча друзей, болтает уже свободно по-французски. Вы же видели, что там у нас творится? Куда возвращаться? Зачем? Ну я пойду, нужно работать.

Рассчитывались на баре. За барной стойкой хозяйничала Ирина из Днепра.

– Я тут уже давно, семь лет. Вы видели, что сейчас в Днестре? Выбивают энергетику, железную дорогу. Знаете что, покатайтесь лучше всего на экскурсионном автобусе, тут в трех минутах подбарают, увидите все достопримечательности за час.

Мы так и сделали. На втором этаже автобуса было ветрено, но потрясающие виды компенсировали это сполна.

Я смотрел на бесконечные ряды яхт, залитые солнцем пляжи, серебрищающееся на солнце море, базилику Нотр-Дам-де-ла-Гард, аббатство Сен-Виктор и форт Святого Николая и думал о словах Алены.

«Куда возвращаться? Зачем?»

С началом войны от Украины откололись две части. Первой стала оккупированная территория, второй – миллионы беженцев, уехавших в основном в Европу. Первую от Украины отделяла линия фронта. Что касается вторых, то дистанция между ними и теми, кто остался в стране, медленно, но неуклонно увеличивалась. Дистанция не географическая. Ментальная.

Я ехал и вспоминал разговоры, фразы и слова, которые слышал на протяжении двух лет войны. Слова тех, кто проходил через пражский центр оформления беженцев и вокзал,

где я провел добрых полгода. Слова тех, кому помогал открывать бизнес в Чехии. Тех, кто приехал сюда, потому что тут мы. Тех, кто собирался вернуться домой через две недели, ну ладно, два месяца, и не могут поверить, что пролетели уже два года.

Вспоминал большую семью из Новой Одессы Николаевской области, в которой дочь-подросток профессионально занималась греблей.

– Трассу на Вознесенск уже обстреливали, и мы решили переплыть на лодке Южный Буг. Вот так всемером и плыли, с вещами и собакой.

Я пытался найти девушке тренера по гребле в Праге, но она была недовольна.

– Моя тренер жесткая, спуску не дает, а тут все расслаблены. Как только получится, мы сразу вернемся.

Интересно, где они сейчас?

Вспоминал разговор на вокзале в июне двадцать второго, когда уже пустили первые бесплатные поезда обратно, в Украину. Рядом со мной оказалась девушка, собравшаяся ехать к стоматологу

в активно обстреливаемый тогда Николаев, потому что ставить в пломбу в Праге было слишком дорого, и мужчина лет семидесяти, который, услышав об этом, не смог сдержать своих эмоций.

– Я месяц выбирался из Херсона – через Крым, фильтрацию, всю Россию на север и Прибалтику, чтобы наконец попасть сюда. Куда ты едешь, безумная?

Интересно, где сейчас они оба?

Вспоминал историю знакомой художницы, которая месяц просидела в подвале в Ирпене и потом с риском для жизни выбралась в Чехию, поступила в художественную академию и была бы полностью счастлива, если б удалось только запустить проект по сохранению украинских автобусных остановок, оформленных художниками в советское время.

Вспоминал десятки айтишников и айтишниц, которые в двадцать втором дружно говорили о том, что хотят вернуться домой при первой же возможности, а год спустя спрашивали, как открыть бизнес в Чехии и закрыть его в Украине.

– Мы будем показывать здесь все доходы, платить налоги, делаем все, чтобы получить вид на жительство.

Одна из них потом сказала мне:

– Я смотрю на всех этих украинских бизнесменов, оказавшихся тут, на их дорогие машины и каждую секунду думаю о своем муже, который сидит в Киеве под обстрелами и никуда не может выехать. А я тут сама с двумя детьми, и непонятно, когда все это закончится.

Вспоминал звонки друзей с фронта, которые категорически отказывались говорить о войне – с одним мы обсуждаем забытые детали биографий одесских художников, с другим вспоминаем учебу в Киево-Могилянке. Когда они поздравляют меня с днем рождения и говорят комплименты, мне хочется от стыда провалиться под землю.

Вспоминал нашего друга, профессионального военного, попавшего под обстрел под Харьковом, который чуть не умер от заражения крови в госпитале в Днепре и выжил только потому, что его вертолетом доставили в Прагу, где после года в военном госпитале его смогла поставить на ноги врач родом из Самары, и он наконец вернулся к семье, давно живущей в Праге, – правда, без левой

руки. И еще приятеля, который смог чудом демобилизоваться после тяжелой контузии и рассказывал о том, что большинство его побратимов погибли, а остальные мечтают о тяжелом ранении, чтобы наконец вернуться домой.

Вспоминал пост своего друга, лучшего одесского экскурсовода, который недавно пошел добровольцем в ВМС и написал проникновенный пост о том, что «ми абсолютно звичайні, таке враження, що хтось взяв у великий ковш народ, потім протрусив через сито, щоб все унікальне відсіялося, а решту – забрали в нашу казарму». «В моєму взводі є айтїшник, зварювальник, електрик, власник віконної фірми, йог, директор магазину кондиціонерів, водій самоскиду, капітан катера, недороблений аспірант, інженер, який проектував цехи збагачення руди... – написав он. – Жодного героя, жодного Шварцнегера, жодного гарвардського хлопчика, жодного агітатора-патріота, жодного суперсолдата. Ми – просто солдати України. ...Але інших солдат у вас не буде. Будуть такі – звичайні. І вони будуть робити свою важку воєнну працю. І за них її ніхто не зробить». Я читал этот пост и сгорал от стыда, потому что он там, а я здесь. Сгорал, хотя и был комиссован много лет назад...

Думал о парнях, которые торопились получить в консульствах по всей Европе новые паспорта, чтобы ни в коем случае не ехать в Украину, и в то же время отправляли туда джипы и дроны. О девушках, которых встречал повсюду, куда только ни попадал – в Германии, Италии, Греции, Франции, Польше – продавщицах, официантках, уборщицах, врачах и банкирах. Об их историях, мыслях о настоящем и будущем. О наших друзьях и знакомых, чьи дети ужасно стеснялись идти в чешские школы, а теперь свободно болтают по-чешски и ездят с друзьями в школьные поездки не только по Чехии, но и в Париж и Лондон.

Вспоминал слова женщин, которым показывал старую Прагу, – из группы, которую собрала моя старая знакомая, живущая в Праге уже лет тридцать москвичка. Женщины были из Харьковской, Запорожской, Херсонской, Николаевской областей и возрастом ей под стать, далеко за шестьдесят. Они проводили вместе каждые выходные, ездили по стране, находили самые дешевые маршруты в Париж и Рим, ходили на экскурсии, пели украинские песни. Все они были одиноки, но у каждой горел огонь в глазах.

– Страшно признаться, но мы за два года увидели тут больше, чем за всю предыдущую жизнь.

И одновременно сообщения своих оставшихся в Украине друзей, которые так и не решились связать свою судьбу с армией. «Для меня теперь счастье просто выйти в поле, посмотреть на небо, поймать ночью несколько карасей в ставке рядом – есть-то надо – и вернуться домой незамеченным».

Вспоминал фотографии друзей с недавнего открытия украинского бизнес-клуба в Ницце – все в белом, счастливые и уверенные в себе. И посты множества уехавших после начала войны знакомых, которые радостно делились фотографиями из новых мест, о каких раньше не могли даже мечтать. Из Канады и Великобритании, Штатов и Испании, Ирландии и Швейцарии.

Мы ехали по марсельским улицам, заглядывали в окна вторых этажей домов, пытались дотянуться до росших у обочин платанов, и у жены уже традиционно завыл телефон.

– Мама пишет, что бежит в паркинг. Летит что-то серьезное.

Первым, кого мы увидели, выйдя из автобуса, был фотограф, совсем молодой, почти мальчик, который, радостно сфотографировав нашу дочку, тут же распечатал свежий выпуск импровизированной газеты «Марсельские новости» с ее фотографией на первой странице и подошел к нам.

– Я издаю далеко услышал, что вы говорите на нашем языке! Как здорово! Вы откуда?

– Из Одессы, сейчас живем в Праге. А вы?

– Из Чернобаевки. Вы, наверное, слышали это название. Мы никуда не выезжали оттуда с самого начала войны, а два месяца назад решили с другом попутешествовать, поехать по Европе. Сначала

были в Польше, потом поехали в Париж, теперь вот тут на ближайшую неделю. Мы уличные фотографы, не знаем еще, где окажемся дальше, решили только, что будем каждую неделю в новом месте. Пока мы во Франции, а где будем в следующем месяце, еще не решили.

Мы слушали, не веря своим ушам.

– Сколько же вам лет?

– Мне только исполнилось семнадцать, другу тоже.

– Что мы вам должны?

– Ничего. Каждый платит столько, сколько сочтет нужным.

Рады будем и одному евро.

– Вы могли бы сфотографировать нас всех?

– Конечно!

– А давайте с нашим флагом, он у меня для таких случаев с собой.

Украина расплылась, разъехалась, растеклась и в то же время живет и дышит вместе. И мало кто из тех, кто убежал от войны или, наоборот, находится в самой ее гуще, знает, что с ним будет...

